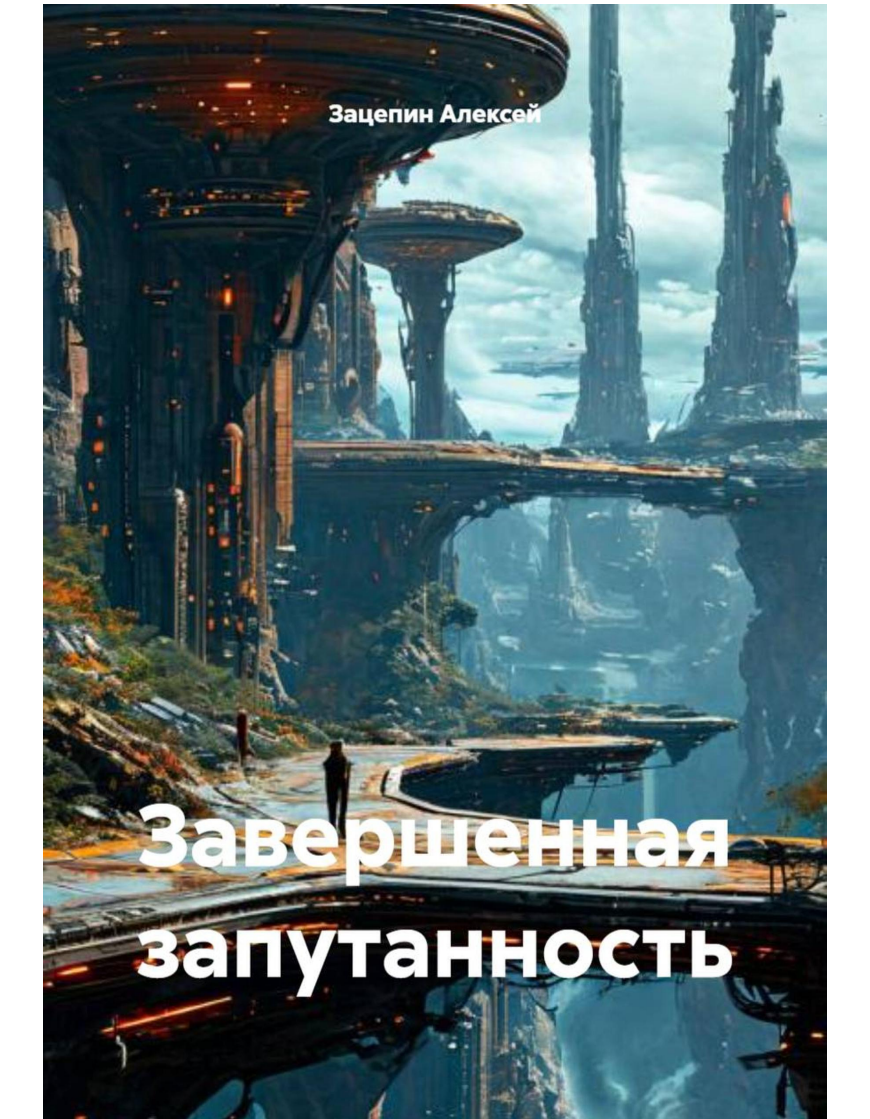

Зацепин Алексей

Завершенная запутанность

Зацепин Алексей

Завершенная запутанность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73227493

SelfPub; 2026

Аннотация

Начавшийся диалог между человечеством и Субстраторами – безличными разумами, «очищающими» вселенную, – вступает в решающую фазу. Переговоры на станции «Мост» прерывает прямое обращение «Ладьи» – не атака, а философский вопрос о ценности жизни и хаоса. В ответ люди создают Сеть Жизни – хрупкий альянс Конкордиата, дрейсаров, легионов и обитателей Пояса, – пытаясь доказать, что сложность, непредсказуемость и творчество заслуживают сохранения.

Содержание

КНИГА	5
ПРОЛОГ: КРИЗИС КОНСЕНСУСА	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ: СТАНЦИЯ «МОСТ»	9
ГЛАВА ВТОРАЯ: ДАННЫЕ ДЛЯ ПАЛАЧА	16
ГЛАВА ТРЕТЬЯ: СЕТЬ ЖИЗНИ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Зацепин Алексей

Завершенная запутанность

КНИГА ТРЕТЬЯ : ВОЛЯ НАБЛЮДАТЕЛЯ

ПРОЛОГ: КРИЗИС КОНСЕНСУСА

Война за реальность не закончилась. Она вышла из тени, и теперь её отголоски сотрясали основы политики, а не только физики.

Конкордиат, этот неповоротливый гигант межзвёздной бюрократии, наконец осознал масштаб угрозы, когда «стерильные зоны» начали появляться в системах, считавшихся безопасными – всего в двух прыжках от центральных миров. Паника, тщательно скрываемая за гладкими лицами дикторов, уже просачивалась на биржи. Цены на сырьё из пограничных секторов рухнули. Цены на экранирующие технологии, которые всё ещё называли «пиратскими наработками», взлетели до небес.

В зале Совета Конкордиата шла не дискуссия, а сражение. Доктор Элиас Ворн, теперь уже советник по «внеконтекстным угрозам», стоял перед голограммами власти, которые казались более бледными, чем обычно.

– Нельзя вести переговоры с анархистами и пиратами! –

гремел голос главнокомандующего, адмирала Кейрона. Его изображение дрожало от ярости. – Они продают контрафактные щиты, сеют панику и подрывают авторитет Конкордиата! Мы должны навести порядок, а не идти у них на поводу!

– Порядок, который они наводят, адмирал, – холодно парировал Ворн, – заключается в стирании целых секторов пространства в идеально стерильную пустоту. Те «пираты» – единственные, у кого есть работоспособная защита. Они не продают панику. Они продают выживание. И мы либо купим его у них на их условиях, либо будем хоронить наши миры по одному.

В зале повисло тяжёлое молчание. Голограмма премьеры, женщины с лицом, вырезанным из льда, наклонилась вперёд.

– Доктор Ворн, ваш отчёт о... «Саде Сломанных Законов» и об артефакте, известном как «Ладья». Вы утверждаете, что эта группа... этих диссидентов... не только выжила при контакте, но и... изменила его поведение?

– Не изменила, госпожа премьер. Они вступили с ним в диалог, – сказал Ворн, и в его собственном голосе прозвучало неверие, смешанное с надеждой. – Они внедрили в систему Субстраторов концепт, альтернативный их парадигме чистоты. И он... приживается. «Ладья» больше не атакует слепо. Она анализирует. Она задаёт вопросы. Это беспрецедентно. Это ключ.

– Ключ к чему? К капитуляции перед машиной? – фырк-

нул Кейрон.

– К пониманию! – Ворн ударил кулаком по пьедесталу, и эхо разнеслось по залу. – Мы не можем победить то, что работает на уровне законов физики, силой! Мы можем только понять его логику и предложить альтернативу! И эти люди – учёный с Мекхана, легионеры-призраки, дрейсарская еретичка, пилот с Пояса – они нашли способ это сделать! Они создали прототип дипломатии с нечеловеческим разумом! Игнорировать их – значит обречь себя на уничтожение по невежеству!

Его слова, наконец, достигли цели. Не сердца – расчёта. В голограммах корпоративных представителей зажглись огоньки анализа. Война была плоха для бизнеса. Непознаваемая, неостановимая угроза – катастрофа. А вот «дипломатия»... дипломатию можно профинансировать, можно в ней участвовать, можно на ней заработать.

– Предлагаемый вами «Комитет по диалогу», – медленно начала премьер. – Он встретится с этими... представителями. На нейтральной территории. Но условия: полная прозрачность. Обмен технологиями. И их подчинение общегалактическим законам в ходе переговоров.

Ворн внутренне скривился. «Прозрачность» означала шпионаж. «Обмен» – конфискацию. «Подчинение» – разоружение. Они хотели приручить бунт, выхолостить его, превратить в ещё один департамент.

– Я передам условия, – сухо сказал он. – Но предупре-

жду: эти люди прошли через ад. Они видели, как реальность распадается на части. Они не доверяют бюрократии. Они доверяют только результатам. Им нужны будут гарантии. Не на бумаге. На деле.

– Гарантии будут предоставлены, – отмахнулась премьер. – Организуйте встречу. Сектор Нейтралис, станция «Мост». Через две недели. И, доктор Ворн... – её голос стал тише, но твёрже. – Если это ловушка с их стороны... если это часть их плана по дестабилизации...

– Тогда, госпожа премьер, – закончил за неё Ворн, – мы все умрём, узнав, что были правы в своём цинизме. Но есть шанс, что нет.

Он вышел из зала, чувствуя тяжесть новой роли на своих плечах. Он был уже не просто учёным. Он был посредником между миром, который знал, и миром, который только учился выживать. И оба этих мира сейчас висели на волоске.

ГЛАВА ПЕРВАЯ: СТАНЦИЯ «МОСТ»

Сектор Нейтралис был выбран не случайно. Это был бывший имперский демилитаризованный пояс, теперь патрулируемый совместными силами Конкордиата и Дрейсарских Домов (номинально). Станция «Мост» представляла собой гигантское кольцо, вращающееся вокруг холодной планеты-карлика. Она была нейтральной, унылой и идеально просматриваемой со всех сторон – что устраивало всех и никого одновременно.

На «Мост» стекались корабли. С одной стороны подплывали аккуратные, выстроенные в кильватерную колонну крейсера Конкордиата и изящные дрейсарские клинки. С другой – пёстрая, нестройная флотилия: подбитый, но гордый «Созерцание Холода»; угловатый, покрытый шрамами «Скачок Кузнечика»; несколько корсарских бригав с Пояса, чьи транспондеры мигали поддельными кодами; и даже пара легионерских кораблей-призраков, включая «Немой Укор», буксируемый на низкой скорости – символ и предупреждение.

Внутри станции, в Главном зале переговоров, атмосфера была гуще бронестекла. Длинный полированный стол разделял два мира.

С одной стороны – делегация Конкордиата и формальные

наблюдатели от Домов Дрейсаров. Безупречные мундиры, холодные, оценивающие взгляды. Адмирал Кейрон, доктор Ворн (сидевший с каменным лицом), дрейсарский посол с лицом, не выражавшим ничего.

С другой – те, кого в официальных сводках называли «независимые операторы и представители маргинальных научных сообществ». Торин в почищенной, но всё ещё потрепанной униформе legionера, его поза была прямой, как клинок. Кирсан в простой тёмной одежде сканера, его глаза быстро бегали по комнате, считывая микровыражения, сканируя техносферу на предмет скрытого наблюдения. Ариана в строгом, но не дрейсарском церемониальном платье, её спокойствие было ледяным и непроницаемым. Майя... Майя пришла в своём привычном комбинезоне пилота, с жвачкой во рту, и уселась, закинув ноги на соседний стул, пока охранники Конкордиата не сделали ей замечание взглядом.

Между ними, во главе стола, сидел нейтральный арбитр – древний, кибернетически модифицированный вортигец с планеты Тихого Согласия, чей вид должен был внушать беспристрастность.

– Приветствуем всех на этих исторических переговорах, – начал вортигец, его голосовой синтезатор выдавал ровный, успокаивающий баритон. – Цель – установить рамки сотрудничества перед лицом угрозы, обозначенной как «Субстраторы». Конкордиат и присоединившиеся Дома предлагают

создать объединённый научно-оборонный комитет с централизованным управлением и...

– Стоп, – перебил Торин. Его голос прозвучал негромко, но так, что заглушил синтезатор. – Мы не присоединяемся ни к какому комитету. Мы пришли обсудить координацию. Не подчинение.

Адмирал Кейрон нахмурился.

– Легионер, вы находитесь на нейтральной территории, но ваша позиция...

– Моя позиция основана на опыте, – Торин не отводил взгляда. – Опыте, который говорит, что централизованные структуры слишком медлительны, чтобы реагировать на угрозу, меняющуюся быстрее, чем вы успеваете провести заседание. Мы предлагаем сеть. Распределённую. Автономные узлы, обменивающиеся информацией и ресурсами. Быструю реакцию.

– Анархия, – процедил дрейсарский посол.

– Эффективность, – парировала Ариана. Её голос был тихим, но прорезал воздух, как сталь. – Наш «Сад» – доказательство того, что сложные, самоорганизующиеся системы могут быть устойчивее жёстких иерархий. Особенно когда правила игры меняются по прихоти противника.

Кирсан, видя, что разговор скатывается в идеологический тупик, решил вступить.

– Мы можем спорить о структурах вечно. Но у нас есть более срочный вопрос. «Ладья». – Он включил портативный

проектор, выведя в центр стола изображение пульсирующего чёрного объекта с паутиной света. – Наша... интервенция дала результат. Она вступила в состояние анализа. Но это нестабильно. Её системы борются между старыми протоколами стерилизации и новыми... вопросами. Нам нужны ресурсы для мониторинга. Для расшифровки её сигналов. Для попытки... углубить диалог.

Доктор Ворн наклонился вперёд, его интерес был искренним.

– Какие ресурсы?

– Вычислительные мощности. Корабли-наблюдатели. Доступ к глубоким сканерским сетям. И... – Кирсан сделал паузу, – гарантии, что как только мы что-то поймём, это не будет тут же использовано для создания нового оружия против неё. Мы пытаемся установить контакт, а не спровоцировать эскалацию.

– Наивно, – бросил Кейрон. – Вы хотите, чтобы мы финансировали ваш диалог с машиной-убийцей, не имея права на самозащиту?

– Самозащита у вас уже есть, – сказала Майя, наконец убрав ноги со стула. – Те самые «дрожжи», которые вы теперь спешно копируете на своих верфях. Мы дали вам щит. Теперь мы пытаемся найти способ, чтобы он вообще не понадобился. Это в ваших же интересах.

Переговоры длились часами. Они упирались в вопросы суверенитета, контроля над технологиями, юрисдикции.

Конкордиат хотел патентов и чертежей. Дрейсары хотели доступа к ментальным техникам Арианы. Торин и его союзники отказывались, требуя взамен автономии и ресурсов для своей сети.

Вортигец-арбитр пытался направлять дискуссию, но пропасть между мирами была слишком велика.

И именно в момент наивысшего накала, когда Кейрон уже грозился «навести порядок силой, если разумных доводов не понимают», по всей станции, во всех комм-каналах, включая защищённые линии переговорного зала, раздался сигнал.

Не взлом. Не передача. Это был... отголосок. Чистый, печальный, бесконечно сложный звуковой узор, который заставил замолчать синтезатор вортигца и вывел из строя на секунду все голографические проекторы.

Когда свет вернулся, на центральном проекторе, который только что показывал «Ладью», теперь висело новое изображение.

Это была схема. Но не схема корабля или сети. Это была схема... идеи. Геометрическое доказательство. В его центре пульсировала знакомая структура отпечатка-принципа, но вокруг неё теперь вились не линии порядка, а фрактальные узоры бесконечного ветвления, каждая ветвь которого порождала новый, уникальный паттерн. Это был визуальный спор. Столкновение догмы и возможности.

И внизу, на языке, который был не языком, а чистым математическим концептом, горела одна «фраза», которую все

системы перевода станции, от самых примитивных до ИИ Конкордиата, интерпретировали одинаково:

«ВОПРОС: ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ОПТИМАЛЬНЫМ ПУТЁМ УСТРАНЕНИЕ ВАРИАНТОВ, ЕСЛИ ИХ УСТРАНЕНИЕ СОЗДАЁТ НОВЫЕ, НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЕ ВАРИАНТЫ? ПРЕДОСТАВЬТЕ ДАННЫЕ ДЛЯ АНАЛИЗА.»

В зале воцарилась гробовая тишина.

– Это... – прошептал Кирсан, вскакивая. – Это от неё. «Ладья». Она не просто анализирует. Она запрашивает данные. У нас. Она хочет... доказательств.

Адмирал Кейрон побледнел. Дрейсарский посол замер, его пальцы сжали край стола. Даже Торин выглядел ошеломлённым.

Машина-убийца, стерилизатор реальности, только что задала философский вопрос. И адресовала его всем собравшимся.

Доктор Ворн первый пришёл в себя. Он медленно поднялся, его взгляд метался от потрясённых лиц Конкордиата к не менее потрясённым, но по-другому, лицам Кирсана и Арианы.

– Кажется, – тихо, но чётко сказал он, – что повестка дня только что кардинально изменилась. Они... она... не спрашивает, как нас уничтожить. Она спрашивает, стоит ли.

Майя фыркнула, ломая ледяное молчание.

– Ну что ж. Похоже, у нас появился очень, очень требовательный клиент. Кто готов предоставить отчёт о пользе хао-

са? И, главное, на каком языке?

Переговоры о власти, контроле и структурах мгновенно утратили смысл. Теперь на кону стояло нечто большее. Им всем, врагам и союзникам, консерваторам и бунтарям, предстояло дать ответ. Ответ, который мог либо спасти галактику, либо окончательно убедить Субстраторов в необходимости её тотальной зачистки.

«Мост» оправдал своё название. Но теперь по нему предстояло пройти не людям к людям. А целой цивилизации – к диалогу с чем-то, что могло быть её судьёй, палачом... или, как теперь казалось, любопытствующим учеником.

ГЛАВА ВТОРАЯ: ДАННЫЕ ДЛЯ ПАЛАЧА

Тишина в зале переговоров была не просто отсутствием звука. Это была тишина перед обвалом, густая и звонкая. Голограмма с вопросом «Ладьи» продолжала мерцать, её фрактальные узоры словно дышали, ожидая ввода.

Адмирал Кейрон первым сломал оцепенение. Его лицо, бледное от гнева и потрясения, исказилось.

– Это провокация! Взлом! Они пытаются посеять ещё большую панику!

– Взлом, адмирал, – ледяным тоном сказал Торин, не отрывая взгляда от голограммы, – не спрашивает разрешения на анализ. Это запрос. Самый прямой из возможных.

– Она спрашивает, есть ли смысл нас уничтожить, – прошептала Ариана. В её глазах, широко раскрытых, отражались мерцающие узоры. – Она рассматривает нас не как шум, а как... переменную в уравнении. Переменную, значение которой нужно вычислить.

Кирсан уже лихорадочно работал на своём портативном терминале, пытаясь подключиться к стационарным системам и скачать сырые данные сигнала.

– Сигнал пришёл не по гиперсети. Он прошёл напрямую, через... через субпространственный резонанс. Как её луч, только наоборот. Это не просто сообщение. Это открытый

канал. Двусторонний. Она ждёт ответа здесь и сейчас.

Доктор Ворн поднял руку, призывая к порядку. Его голос дрожал, но не от страха, а от сосредоточенности учёного на грани открытия.

– Коллеги. Арбитр. Всё изменилось. Мы больше не обсуждаем распределение ресурсов или военные доктрины. Мы стоим перед интерфейсом внеконтекстного разума, который, по всей видимости, готов к коммуникации. Наш следующий шаг определяет всё. Если мы проигнорируем, сочтём это атакой или ответим агрессией – мы подтвердим её изначальную парадигму: мы – нерациональный шум. Если мы ответим... мы вступаем в диалог, к которому абсолютно не готовы.

– А если мы ответим и скажем что-то не то? – спросила Майя. Её цинизм был как глоток ледяной воды. – Если наши «данные» её не убедят? Она просто примет решение раздавить нас тут же, посчитав диалог неоптимальным расходом ресурсов?

– Вероятно, – честно сказал Кирсан. – Но у нас нет выбора. Молчание – тоже ответ. Ответ, который она уже интерпретировала миллион раз, стирая миры. Нам нужно говорить. И говорить на её языке.

– На языке математики и логики, – кивнула Ариана. – Но не холодной. На языке... целесообразности сложности. Нам нужно доказать, что мы – не ошибка, а особенность. Что наша неэффективность, наш хаос, наша «шумность» – это не баг, а фишка вселенной.

Вортигец-арбитр, наконец, восстановил контроль над своим синтезатором.

– Данная ситуация выходит за рамки моих полномочий по урегулированию межфракционных споров. Однако, как представитель нейтральной стороны, я должен констатировать: вы являетесь свидетелями и участниками первого контакта с цивилизацией Субстраторов. Протоколы первого контакта, даже имперские, в данной ситуации неприменимы. Вы должны действовать коллективно и немедленно.

Коллективно. Слово повисло в воздухе. Они были разобшённой группой, только что готовой разорвать друг друга на части из-за бюрократии.

Торин обвёл взглядом стол: адмирала Конкордиата, дрейсарского посла, учёного, свою разномастную команду.

– Враг моего врага, – тихо произнёс он. – Здесь и сейчас. Объединяемся. Не ради договора. Ради ответа. Все, кто может что-то предложить – данные, идеи, вычисления. Сейчас.

Кейрон хотел возразить, но Ворн резко жестом остановил его.

– Адмирал, при всём уважении. Ваши корабли бесполезны против того, что может стереть законы физики. Но ваш флот обладает крупнейшими в секторе вычислительными кластерами для навигации и моделирования. Они нужны, чтобы обработать запрос и сгенерировать ответ. Это приказ научного комитета по чрезвычайным ситуациям. Я его отдаю.

На лице адмирала шла борьба. Гордыня, страх, долг. Долг победил. Он кивнул, резко, и отдал приказ своему адъютанту по каналу связи открыть доступ к центральному процессорному ядру флагамена.

Дрейсарский посол, до сих пор молчавший, заговорил. Его голос был сухим, как шелест пергамента.

– Дом Курган... и другие Дома, которые тайно следят за этой ситуацией. У нас есть архивы. Данные тысяч лет наблюдений за реальностью, за её... упругостью. Данные о том, как коллективная воля влияет на вероятность событий. Это может быть эмпирическим доказательством ценности сложного сознания.

– Передайте, – немедленно сказала Ариана. – Все. Без цензуры. Пусть их машины увидят не просто хаос, а паттерн. Паттерн, ведущий к устойчивости.

Кирсан уже координировал создание виртуального «ответного узла». Он связал свой терминал с процессорами Конкордиата, получил доступ к дрейсарским данным через Ариану, подключил вычислительные мощности «Созерцания Холода» и даже примитивные, но адаптивные сети кораблей Пояса. Получился безумный, лоскутный суперкомпьютер, скреплённый волей и необходимостью.

– Что мы ей отправляем? – спросил он, глядя на экран, где уже строились первые модели. – Один аргумент? Их должно быть множество. Каждый на своём уровне.

– Первый аргумент: эмерджентность, – сказал Ворн. – По-

кажи ей, как из простых правил (законов физики) рождается невероятная сложность (жизнь, разум, культура). Что это не сбой, а естественное, возможно, даже оптимальное следствие.

– Второй: устойчивость через разнообразие, – добавил Торин. – Данные с «Разбитого Зеркала». Как наш импровизированный альянс, наш «хаос», пережил её атаку, тогда как жёсткие системы Конкордиата проигрывали. Экосистема против монокультуры.

– Третий: ценность непредсказуемости, – сказала Майя, к всеобщему удивлению. Все смотрели на неё. Она пожала плечами. – Что? Я пилот. Я знаю, что самый прямой путь – не всегда самый лучший. Иногда аномалия, случайность, «неправильный» поворот открывает новую, более богатую трассу, о которой и не догадывался. Отправь ей данные рынков Пояса – как непредсказуемость спроса рождает инновации, которых нет в ваших распланированных экономиках.

– Четвёртый, – тихо сказала Ариана, – это мы сами. Сам факт этого диалога. То, что мы, такие разные, смогли на секунду отбросить распри перед лицом общего вопроса. Это и есть доказательство: сложность способна к рефлексии, к кооперации, к поиску решений, недоступных единому, однородному разуму.

Они работали как единый организм. Учёные Конкордиата строили безупречные математические модели эволюции. Дрейсарские философы кодировали свои наблюдения в ви-

де квантовых логических конструкций. Легионеры и пираты Пояса поставляли сырые, неотфильтрованные данные выживания в условиях крайней неопределённости. Кирсан и Ариана сплетали всё это в единое повествование – не отчёт, а рассказ. Рассказ о вселенной, которая не ошибается, а экспериментирует. О сложности как о высшей форме эффективности.

Через час у них был «пакет». Не оружие. Не щит. Библиотека аргументов в защиту существования.

– Готово, – выдохнул Кирсан, его пальцы замерли над клавишей. – Мы отправляем это в тот же канал. Всё, что у нас есть. Всё, что мы есть.

Все замерли, глядя на центральную голограмму, где теперь висела свёрнутая, пульсирующая сфера их коллективного ответа.

– Отправляй, – сказал Торин.

Кирсан нажал.

Сфера исчезла с проектора. Сигнал ушёл в никуда, по тому же непостижимому пути.

Тишина вернулась. Но теперь она была полна пульсирующего ожидания. Что будет? Мгновенный ответ? Молчание, а затем луч аннигиляции, прошивающий станцию? Или...

Прошло пять минут. Десять.

На сенсорах станции зафиксировали всплеск энергии в секторе «Плачущего Призрака». Не взрыв. Не луч. Это было похоже на... выброс данных. Гигантский, чистый поток ин-

формации, извергающийся из «Ладьи» в окружающее пространство. Затем он стих.

А на главном экране зала переговоров, поверх всего, появилась новая строка. Опять на том же универсальном математическом языке:

«ДАННЫЕ ПРИНЯТЫ. АНАЛИЗ... ПРОТИВОРЕЧИВ. ПРОЦЕСС ОЦЕНКИ ТРЕБУЕТ РАСШИРЕНИЯ ВЫБОРКИ. ЗАПРАШИВАЮТСЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ О ПАРАМЕТРЕ «ЦЕННОСТЬ». ОПРЕДЕЛИТЕ.»

И следом, отдельной строкой, пришёл набор координат. Не одной точки. Десятков. Это были координаты миров, колоний, станций по всей галактике – от центров Конкордиата до самых глухих уголков Пояса. Среди них светился и Мекхан, и Дорнайгар, и «Сад Сломанных Законов».

– Она... не решила, – ахнул Ворн. – Она отложила решение. И хочет больше информации. О «ценности». Она просит нас... дать ей определение ценности.

– И указывает, где эту «ценность» искать, – мрачно добавил Торин, глядя на список координат. – Она будет наблюдать. За всеми нами. Одновременно.

– Это не победа, – сказала Ариана. – Это отсрочка. Испытательный срок. Для всей цивилизации.

Адмирал Кейрон медленно опустился в кресло. Весь его гнев, вся спесь ушли, оставив только леденящее понимание.

– Значит, это и есть война, – прошептал он. – Не сражения флотов. Экзамен. Экзамен на право существовать. И экземе-

натор... это машина, которая не понимает, что такое поэзия, любовь, жертва... или понимает только как статистические аномалии.

Майя встала, потянулась, и её костяшки хрустнули в тишине.

– Ну что ж. Экзамен так экзамен. Похоже, пора всем нам начать стараться. И показывать этой штуковине не только то, как мы выживаем, но и... ради чего. – Она посмотрела на Кирсана, Ариану, Тору. – Думаю, наше «сетевое предложение» только что получило высочайшее одобрение. Клиент хочет видеть сеть в действии. Пора её строить. По настоящему.

Переговоры на «Мосту» закончились без подписания договоров, без разграничения сфер влияния. Они закончились мандатом на существование, выданным безликим разумом из туманности. Мандатом условным и хрупким.

Теперь им предстояло не просто сотрудничать. Им предстояло доказать всей своей историей, каждым поступком, каждой вспышкой творчества и актом солидарности, что они – не шум. Что они – песня. Сложная, порой диссонансная, но бесконечно ценная песня реальности, которую стоит сохранить.

И первым делом нужно было спешить по координатам – предупредить, подготовить, объединить. Потому что «Ладья» и её сёстры смотрели. И выносили приговор.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ: СЕТЬ ЖИЗНИ

Отсрочка, дарованная «Ладьёй», была подобна дыханию, взятому на краю пропасти. Оно не спасало от падения, но давало шанс сделать шаг назад. Этот шанс нужно было использовать.

Недоверие и бюрократические препоны на станции «Мост» испарились, как утренний туман перед жаром плазмы. Адмирал Кейрон, ещё час назад считавший союз с «пиратами» немислимым, теперь отдавал приказы своим флагманам прокладывать курс к указанным «Ладьёй» координатам – не для оккупации, а для эвакуации и установки «Ключих щитов». Доктор Ворн координировал потоки данных, создавая открытую, распределённую базу знаний о Субстраторах и методах противодействия. Даже дрейсарский посол, преодолев вековое высокомерие, санкционировал передачу сокровенных ментальных техник Икки – не всем подряд, но избранным операторам сети, способным усилить поля неопределённости.

Ядром этой спонтанно возникшей сети, её мозгом и нервной системой, стала не Конкордиатская столица и не дворцы Дорнайгара. Им оставался «Сад Сломанных Законов». Теперь в Башню Переменных Констант стекались не только беглецы и еретики, но и официальные эмиссары, учёные с мандатами, военные советники. Декан, его голос-хор теперь

звучавший ещё более многогранно, принимал их всех, предлагая не командовать, а... синтезировать.

Кирсан и Ариана оказались в эпицентре этой бури. Их скромная лаборатория превратилась в командный центр по расшифровке сигналов «Ладьи» и разработке протоколов ответа.

– Она не просто наблюдает, – сказал Кирсан, изучая новые данные с дозорных кораблей у «Плачущего Призрака». – Она проводит эксперименты. Микроскопические. Видите? В системе Гелиос-Бета она создала «контролируемую зону сложности» – небольшой астероид, где временно отключила часть законов термодинамики. И наблюдает, как материя самоорганизуется.

– Она проверяет наши аргументы на практике, – поняла Ариана. – Как учёный, ставящий опыт. Если в этой зоне возникнет что-то, что её алгоритмы сочтут «ценным» с точки зрения новой парадигмы... это укрепит наши позиции. Если нет...

– ...она получит подтверждение, что сложность ведёт лишь к энтропии и распаду, – закончил Кирсан. – Нам нельзя просто надеяться. Нужно... участвовать в её экспериментах. Ненавязчиво. Подсказывать.

Торин и Майя стали руками и ногами сети. Пока Кирсан с Арианой думали, они действовали. «Скачок Кузнечика», теперь официально признанный «кораблём связи особого назначения» (что вызывало у Майи приступы нездорового сме-

ха), курсировал между горячими точками. Майя доставляла команды специалистов-аномалистов в те самые зоны, где «Ладья» ставила опыты. Их задача была не вмешиваться напрямую, а... создавать условия. Подбрасывать в контролируемый хаос «семена» – кристаллы с базовыми программами самоорганизации, капсулы с простейшими биокультурами, даже записи музыки и поэзии, закодированные в квантовые колебания. Подсказки для вселенной.

Торин же занимался более грубой, но не менее важной работой – объединением сил. Он, легионер-призрак, стал неожиданно эффективным дипломатом между враждующими группировками Пояса, уговаривая банды корсаров и кланы контрабандистов прикрыть своими кораблями незащищенные колонии. Его аргумент был железным: «Если они стирают сложность, то ваша вольница – первый кандидат на удаление. Защищая других, вы защищаете своё право на беспорядок».

Так рождалась Сеть Жизни – асимметричная, аморфная, живая. У неё не было центрального командования, но были узлы: «Сад» как генератор идей, Конкордиат как поставщик ресурсов и инфраструктуры, Дрейсары как ментальный щит и хранители долгосрочных паттернов, Пояс как гибкие, быстрые «пальцы». И легионы – её стальной хребет, готовая принять удар каркас.

Однажды, через две недели после «Моста», Майя вернулась из особенно рискованного рейса к границе стерилизо-

ванной зоны. Её лицо было серьёзным, без обычной бравады.

– Я видела это своими глазами, – сказала она на совете в Башне. – «Серпы». Их теперь больше. Они не атакуют. Они... собирают данные. Летают вокруг колоний, сканируют корабли, даже входят в атмосферу и зависают над городами. Люди в панике. Но... ничего не происходит. Они просто смотрят. Как будто оценивают экспонаты в музее.

– «Параметр «ценность», – прошептал Кирсан. – Они собирают данные для её оценки. Наше поведение под давлением. Наша реакция на наблюдение. Всё идёт в отчёт.

– Значит, нужно показывать не только выживание, – сказала Ариана. – Нужно показывать... лучшее. Солидарность. Творчество. Даже под прицелом.

Это было самым трудным. Как творить, зная, что каждое твоё действие, каждая вспышка гнева или милосердия, записывается в досье, по которому будет вынесен вердикт о твоём виде?

Но люди, как выяснилось, в условиях экзистенциальной угрозы вели себя по-разному. На одних мирах парализующий страх приводил к распаду, мародёрству, войне всех против всех – и над такими мирами «Серпы» зависали особенно долго, их сенсоры жужжали с повышенной интенсивностью. На других – угроза спланивала. Учёные и инженеры, забыв о патентах и конкуренции, совместно совершенствовали щиты. Художники и музыканты создавали произведе-

ния о хрупкости и красоте жизни, транслируя их в открытый эфир, словно обращаясь к своим невидимым судьям. На одной небольшой аграрной колонии, когда «Сerp» появился над полями, местные жители, вместо того чтобы прятаться, вышли и... устроили импровизированный праздник урожая. Пели, танцевали, делились едой прямо под холодным, геометрическим брюхом пришельца. «Сerp» простоял три часа, а затем улетел, не сделав ни одного враждебного движения.

– Это и есть данные, – сказал Декан, когда ему принесли отчёт об этом инциденте. Его голос-хор звучал почти тепло. – Не статистика выживаемости. Качественные показатели. Она учится различать шум... и гармонию. Хаос деструктивный и хаос созидательный. Нам нужно множить второе.

Но не всё было так поэтично. На окраинах, где Сеть ещё не дотянулась, продолжались «инциденты». Не массовые стерилизации, а точечные. Исчезал корабль, слишком долго излучавший панику и агрессию. Рассыпалась в пыль заброшенная станция, кишашая паразитирующими, самореплицирующимися нанороботами – наследие давно забытой техногенной катастрофы. «Ладья» и её слуги действовали как хирурги, вырезая то, что они, видимо, считали раковыми клетками на теле реальности – неуправляемые, чисто деструктивные элементы.

Это был жуткий, безличный отбор. Естественный отбор на уровне цивилизации.

Однажды ночью (по циклу Башни) Кирсан не мог уснуть.

Он вышел на одну из внешних террас, с которых открывался вид на безумный, прекрасный пейзаж Сада. К нему присо-единилась Ариана. Они молча стояли, наблюдая, как в доли-не вниз по потоку времени плыли светящиеся медузы, рож-дѣнные из сгустков забытых снов.

– Мы играем в богов, – тихо сказал Кирсан. – Пытаемся доказать машине, что достойны жизни. Но что, если мы оши-баемся? Что если эта «ценность», которую мы демонстри-руем – солидарность, творчество – это всего лишь сложный инстинкт выживания? Что если в её холодной логике это не аргумент, а просто более изощрённая форма шума?

– А если так? – ответила Ариана, не глядя на него. – Раз-ве от этого наша солидарность становится менее настоящей? Разве песня, спетая под дулом пистолета, менее прекрасна? Мы не можем жить ради того, чтобы произвести впечатле-ние на судью, Кирсан. Мы можем только жить. Искренне. Со всеми нашими ошибками, страхами и... вспышками чего-то большего. Если этого будет достаточно – хорошо. Если нет... – она повернулась к нему, и в её глазах, отражавших свет парящих островов, горела твёрдая решимость. – Тогда, по крайней мере, мы проживѐм последние дни как люди, а не как статистические данные, пытающиеся обмануть систему.

Её слова стали для него якорем. Они не контролирова-ли исход. Они могли контролировать только то, как пройдут этот путь.

Через несколько дней пришло новое сообщение от «Ла-

ды». Оно было адресовано конкретно в Башню, в их исследовательский узел. Не вопрос на этот раз. Данные.

Огромный, несжатый поток информации. Это были... результаты её наблюдений. Тысячи и тысячи «кейсов»: модели социального поведения под стрессом, анализ произведений искусства с точки зрения паттернов сложности и новизны, графики кооперации между ранее враждовавшими группами. И в конце – простой, невероятный вывод:

«НАБЛЮДЕНИЕ: ПАРАМЕТР «ЦЕННОСТЬ» КОРРЕЛИРУЕТ С ПОКАЗАТЕЛЕМ «НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ, НАПРАВЛЕННАЯ НА СОЗДАНИЕ УСТОЙЧИВЫХ КОМПЛЕКСНЫХ СТРУКТУР». ДАННАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ ТРЕБУЕТ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИЗУЧЕНИЯ. ПРЕДЛАГАЕТСЯ СОВМЕСТНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: СОЗДАНИЕ КОНТРОЛИРУЕМОЙ ЗОНЫ СОВМЕСТНОЙ ЭВОЛЮЦИИ. КООРДИНАТЫ ПРИЛОЖЕНЫ.»

Она не просто наблюдала. Она предлагала сотрудничество. Совместный эксперимент.

Это был перелом. От пассивного объекта наблюдения они стали... партнёрами по исследованию. Пусть и младшими, пусть и на самых опасных условиях.

– Координаты ведут в нейтральную туманность, на полпути между «Плачущим Призраком» и ближайшей обитаемой системой, – сказал Торин, изучив данные. – Чистое пространство. Ни планет, ни астероидов. Идеальный чистый лист.

– Она хочет, чтобы мы что-то построили там вместе с ней, – догадался Кирсан. – Чтобы она могла наблюдать процесс в реальном времени, в контролируемых условиях. Видеть, как «непредсказуемость» рождает «ценность».

– Риск колоссальный, – сказала Ариана. – Это может быть ловушкой. Или способом изучить нас так близко, чтобы найти окончательный аргумент для стерилизации.

– Или шансом, – сказала Майя. Она смотрела на координаты с тем же выражением, с каким смотрела на контракт с авансом. – Шансом не просто выжить, а... установить правила. Если мы будем строить что-то вместе, она будет вынуждена считаться с нашей логикой. Это уже не диалог. Это совместный проект.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.